

Владислав Крапивин

ОРАНЖЕВЫЙ ПОРТРЕТ С КРАПИНКАМИ

Повесть

Рисунки Евгении Стерлиговой

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2019

ПОТОМОК МОРЕПЛАВАТЕЛЯ

Ох как ругала она себя за эту фантазию — за то, что решила сойти с поезда в Каменке и добраться до Верхоталья катером. Наслушалась о красоте здешних берегов, вздумала полюбоваться!

Берега в самом деле были красивые — заросшие лесом, где перемешались ели, сосны и берёзы. Иногда из воды подымались отвесные ребристые скалы... Но катер оказался калошей, он еле полз против течения. Двигатель чадил, будто испорченная керосинка, на которой жарят протухшую рыбу.

Командовал катером парень чуть постарше Юли. Сперва он Юле даже понравился за свою тельняшку и за фуражку с «крабом», почти такую же, как у Юрки. Но парень оказался нахальный. Сердито выкатывал белёдые глаза и орал на пассажиров, чтобы не толпились на сходнях. У чахлой деревенской пристани с фанерной вывеской «Петухи» этот капитан заявил, что «Верхотальская станция забрала воду и дальше судно не пойдёт, потому что у него осадка». На катере к тому времени из пассажиров остались, кроме Юли, две бодрые бабки да весёлый небритый дядя с кошёлкой и завёрнутыми в рогожу граблями. Дядя послушно выкатился на берег, а бабки заругались и проницательно высказали мнение, что не в станции и не в осадке дело, а в самом капитане, который хочет вернуться в Каменку к началу телефильма про Штирлица. А им теперь на старости лет восемь километров топать на своих двоих.

Юля тоже сказала, что это свинство.

Парень, однако, не смутился. Бабкам он сообщил, что спешить им некуда, потому что крематорий в Верхоталье ещё не построен, а Юле сказал, что пускай лучше возвращается в Каменку и они вдвоём пойдут на танцы. Только пусть она во время танца нагибается получше, а то потолки в клубе низковатые. В ответ он услышал насчёт сопливых паромщиков, которые воображают себя магелланами. Но делать было нечего, пришлось высаживаться.

Бодрые бабки убежали вперёд и проголосовали автофургону, который пылил на просёлочной дороге. Дядька с граблями куда-то исчез. Юля без попутчиков зашагала по укатанной, но не пыльной колее. Ну и ладно!

Дорога то ныряла в лес, то выбегала к самому берегу, места оказались интересные, чемоданчик был лёгкий, сумка на плече висела удобно, и шагалось хорошо. По сторонам краснели кисти рябины. День стоял нежаркий, хотя и солнечный. И одно было плохо — день этот клонился к вечеру, и Юля боялась, что не успеет до закрытия библиотеки.

Так и вышло. Когда она дотопала до города, расспросила, где библиотека, и выбралась к одноэтажному кирпичному дому, на старинной резной двери висел ржавый замок (наверно, тоже старинный, от купеческого лабаза). Юля потопталась на высоком гранитном крыльце, обозрела с него заречные окрестности с деревянными кварталами и лесом у горизонта, а потом через сад вышла на центральную улицу.

— Люди, где тут у вас гостиница? — спросила она двух пацанят с удочками.

Мальчишки глянули снизу вверх, пощупали глазами нашивки на её стройотрядовской курточке, и старший толково разъяснил, что гостиница на другом конце Верхоталья.

Всё выходило одно к одному, и Юля начала злиться. На судьбу и на себя. А мальчишки смотрели ей вслед, и она слышала за спиной:

— Во, жердина...

В ребячьих словах было больше восхищения, чем насмешки, однако настроение испортилось ещё больше.

В двухэтажной гостинице на подоконниках цвела густая герань. Дежурная администраторша — рыхлая тётка в шлёпанцах — жарила на плитке грибы. Она показалась Юле добродушной. Но в ответ на Юлины слова о жилье тётка непреклонно сказала:

— Ты что, голубушка! Тут строители нефтенасосной станции поселились, не продохнуть. По двое на одной кровати... Это сейчас тихо, а чуть позже знаешь как оно будет!

Юля устало брякнула на пол чемодан. Села на табурет. Тётка смягчилась:

— Ты, видать, на работу сюда?

— Почти, — вздохнула Юля. И, надеясь разжалобить администраторшу, подробно объяснила, что закончила второй курс культпросветучилища, в июле была со стройотрядом в Артёмовском овощесовхозе, а сейчас приехала на двухмесячную практику в детскую библиотеку. Приехать-то приехала, а куда деваться?

— Ну дак заведующая ихняя, Нина Федосьевна, пушай тебя и устраивает, — рассудила администраторша. — Она женщина строгая, образованная, но справедливая. При библиотеке али у себя в квартире и поселит, дом у неё большой. На улице Пионерской, бывшей Гимназической, напротив магазина «Фрукты-овощи». Там спросишь... Грибочков хочешь?

— Хочу, — опять вздохнула Юля.

— Вот и умница. Ты давай прямо со сковороды...

После неожиданного ужина стало веселее. Юля отправилась искать дом Нины Федосьевны. Снова через весь город. Впрочем, «город» — это было одно название. Кое-где встречались двухэтажные кирпичные дома явно девятнадцатого столетия — с полукруглыми окнами на верхних этажах и чугунным узором парадных крылечек. Попадались древние купеческие лавки с современными вывесками «Промтовары»

и «Керосин». На запертых дверях ржавели могучие кованые петли. А в основном дома были деревянные, с палисадниками и лавочками у калиток.

Над крышами с затейливыми дымниками печных труб, над воротами с разошедшей резьбой, над косыми заборами и тополями возвышался, будто горный массив, полуразрушенный серовато-жёлтый собор. Провалы его окон темнели, как пещеры, а купола и башни были похожи на облизанные ветрами вершины.

Юля догадалась, что это храм знаменитой в прежние времена Верхотальской обители. Когда-то сюда стекались паломники из многих городов. А сейчас в монастырских кельях и трапезных работал механический завод — самое крупное здешнее предприятие. Про завод Юля тоже знала: у них в канцелярии училища стоял сейф с большим клеймом «Верхотальский МЗ».

Дом заведующей Нины Федосьевны Юля отыскала легко. У калитки копошились куры: в подорожниках и жёсткой траве «пастушья сумка» вылавливали букашек. Юля побрякала железным кольцом щеколды. Вышла девица лет пятнадцати, вполне столичного вида, в новеньких джинсах и майке с ковбоем и надписью «Rodeo». Естественно, сперва воззрилась на Юлю, потом сообщила, что «тётя Нина уехала в Каменку и вернётся завтра прямо на работу».

«Вот и всё, — подумала Юля даже с некоторым удовольствием. — Дальше ехать некуда...»

Оставалось топтать на станцию и коротать ночь в зале ожидания. Вообще-то было не привыкать: в турпоходах и в стройотряде случалось всякое. Но, во-первых, там она была не одна. Во-вторых, здесь неудачи сыпались одна за другой. И главное, сама виновата!

Где Верхотальский вокзал, Юля понятия не имела и побрела наугад. А вернее, так, чтобы солнце светило не в глаза, а в спину. Через квартал она увидела зелёный домик с вывеской «Почта». Как ни странно, почта ещё работала.

— Я с тобой, — тоскливо и решительно сказала Юля, ощущая, как замечательно в постели и как жутко не хочется туда. Ох, рано она порадовалась, что кончились неудачи...

А Фаддейка... хоть бы сказал: не надо, не ходи! Нет, он сказал другое:

— Выбирайся через окно. Я подожду у калитки.

Быстро темнело. Река ещё отражала остатки заката, а крутой дальний берег чернел непроницаемо. За кромкой обрыва

не видно было огоньков, смутной тучей клубился старый прибрежный сад. Колокольня была еле различима.

Юля мысленно простонала, когда представила, сколько опять шагать: через мост, потом по высоченной лестнице, затем по тёмному саду... Фаддейка бодро топал рядом и мигал фонариком. Юля печально сказала:

— Вот узнает Кира Сергеевна про наши похождения, будет нам...

— А как она узнает? Тебя она не караулит, а про меня привыкла, что поздно бегаю.

— С тобой не соскучишься, — вздохнула Юля.

— Ага.

Перешли мост (он был бесконечный, и под ним журчала и хлюпала вода). Совсем стемнело. Ступеней лестницы было не разглядеть. А они — кривые и старые, ноги ломаешь.

— Посвети, — попросила Юля.

Фаддейка опять мигнул фонариком и сказал:

— Я батарейку берегу, она старая.

— А на мосту включал да включал, когда не надо...

— Я проверял... Держись за меня.

Кончилась и лестница с бесконечным поскрипыванием ступенек и хлябаньем брусчатых перил. Чёрный густой сад надвинулся на Юлю и Фаддейку, окружил мохнатой темнотой, запахом увядающих листьев.

— Держись за меня, — опять сказал Фаддейка и сам взял Юлю за

рядочном беспорядке». Неожиданно дело оказалось совсем нескучным. За каждым именем Юле представлялись живые мальчишки и девчонки: аккуратные отличницы, берущие книжки по программе; растрёпанные троечники, которые читают в основном про шпионов и про космос; юные изобретатели — те, что глотают, как «Трёх мушкетёров», «Занимательную физику», «Теорию относительности для всех» и свежие номера «Техники — молодёжи»; шумливые октябрята, спорящие из-за очереди на «Буратино» и «Волшебника Изумрудного города»; озабоченные десятиклассники, которые перед экзаменами выпрашивают на лишней денёк Белинского и Добролюбова...

Некоторые карточки были просто готовые портреты и характеры. Трудно разве представить, например, второклассника Николая Вертишеева, дважды бравшего «Приключения

Незнайки», или Элли Лебёдушкину, читающую биографию Рахманинова из серии ЖЗЛ?

Могли, конечно, быть ошибки. Вертишеев мог оказаться тихим мальчонкой, который никогда не вертится на уроках, а Лебёдушкина — неуклюжей девицей, не умеющей сыграть гаммы... Но вот попался портрет знакомый и точный! «Фаддей Сеткин»...

— Ой, Нина Федосьевна! Это же Фаддейка, да? Племянник Киры Сергеевны?

Нина Федосьевна охотно оторвалась от ящика с каталогом.

— Ну, разумеется! Вы уже познакомились? Ах да, вполне понятно...

— Ох, познакомились, — сказала Юля. — Весьма даже...

Нина Федосьевна покивала и поулыбалась:

— А знаете ли, Юленька, он славный мальчик. Правда, замурзанный и немного шумный...

(Юля уже поняла, что больше всего Нина Федосьевна боится шума, и это казалось непонятным у заведующей детской библиотекой; но зато других недостатков у Нины Федосьевны, кажется, больше вообще не было.)

Юля охотно согласилась с краткой Фаддейкиной характеристикой и заглянула в карточку.

Читательские интересы Фаддея Сеткина были крайне разнообразны. Если не сказать — беспорядочны. «Приключения Электроника» и «Оливер Твист», «Словарь юного астронома» и «Воспоминания о сынах полков», «Сказки народов Севера» и «В плену у японцев» капитана Головнина. А ещё — «Казачи» Толстого, «Малыш и Карлсон» и «Мифы Востока»...

— Ну и ну, — сказала Юля.

Нина Федосьевна опять покивала:

— Бессистемное чтение, но что поделаешь... И ходит нерегулярно. То глотает семь книжек за неделю, а то не показывает полмесяца. Но с книжками очень аккуратен! Новые даже обёртывает... Правда, один раз мы с ним поссорились.

Юля вопросительно подняла глаза.

— Нет-нет, не из-за неряшества. Мы крупно поспорили из-за «Аэлиты». Вы же знаете, Юленька, детям эта книга всегда нравится, а наш милый товарищ Сеткин прочёл и заявил категорически: «Чушь!..» Я даже очки уронила. «Как, — говорю, — ты можешь так об Алексее Николаевиче?..» А он знает что? «Если Алексей Николаевич, значит, врать можно?» «Что значит, — возмутилась я, — врать? Это же фантастика! Писательское воображение! Ты же сам столько фантастики перечитал и всегда хвалил!» И что же отвечает мне этот юный ниспровергатель классиков? «Фантазировать надо тоже

ребёнок разве виноват? Досада на Юрку ещё сидела в Юле, но к досаде примешалась непонятная виноватость. Юля оторвалась от кино и покосилась вбок. Освещённое экраном Юркино лицо — худое, с торчащими скулами — казалось бледным и даже чуть-чуть красивым. Почти как у Атоса. А смиренная Маргарита ласково посапывала, прижавшись щекой к Юркиной куртке.

И Юля прошептала:

— Давай, я её подержу. У тебя, наверно, уже колени онемели.

И Юрка согласился:

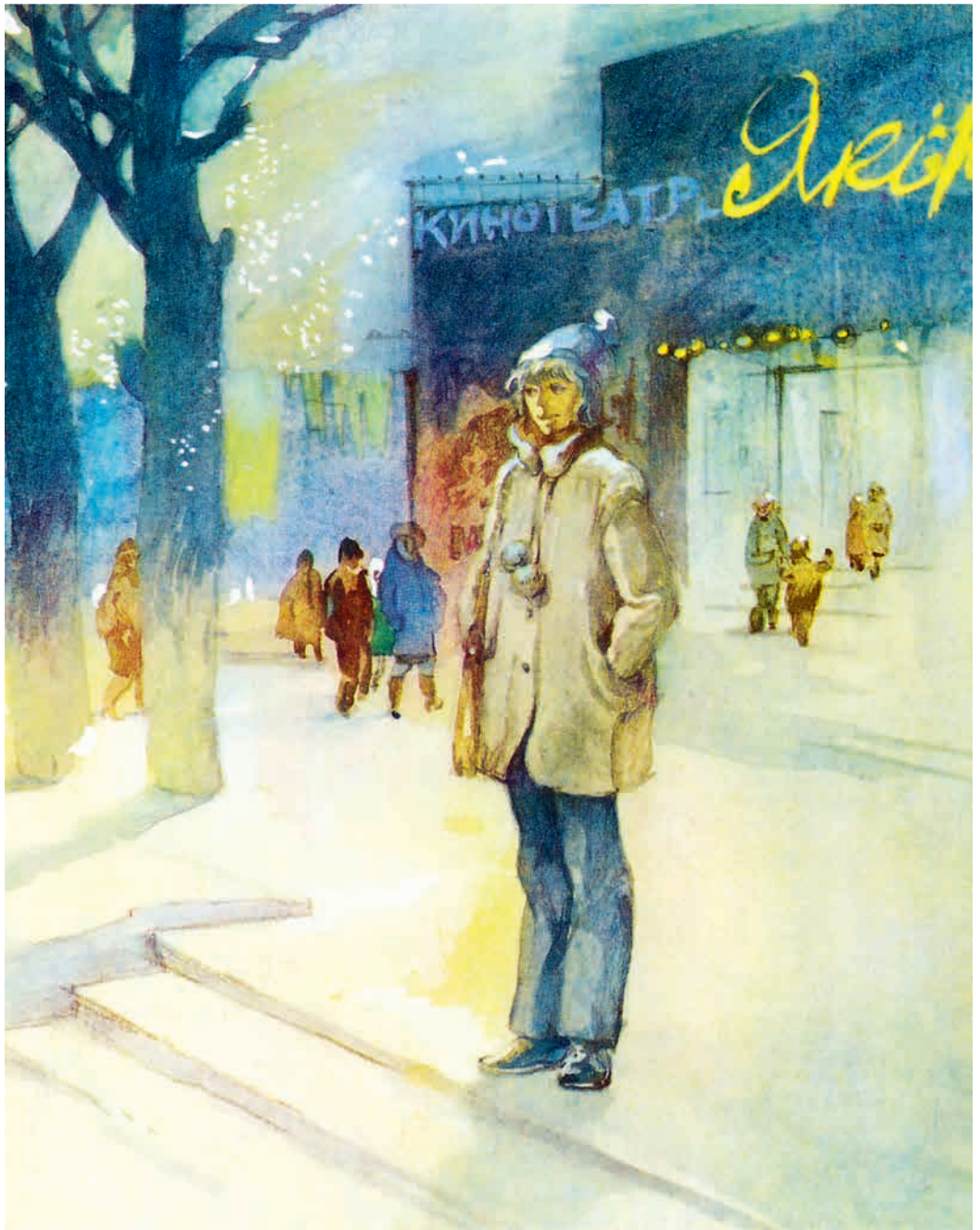
— Подержи. — А обеспокоенной Маргарите сказал: — Не бойся, это Юля. А я тут, рядышком...

После кино, несмотря на Юлины возражения, Юрка с Маргаритой на плечах проводил Юлю до подъезда. Тогда она завела их к себе (тем более что Маргарита опять шептала Юрке на ухо), напоила чаем и сама проводила их до дома. Тогда Юрка оставил Маргариту с вернувшейся матерью и опять довёл Юлю до её подъезда...

Через месяц они как-то просто, ни у кого не вызвав удивления, стали для всех в классе «Ю в квадрате». Чаще всего это говорилось по-хорошему, без ехидства. Не все ведь были такие, как Анастасия Прокушина или глупый Андрюха Пылин...

...Но при чём тут женитьба?

та. Тяжёлая и такая большущая! К ней крепко присохли чешуйки сухой земли и кирпичной пыли, зеленели пятнышки медной окиси, но Юля сразу разглядела вензель Екатерины Великой: букву Е, перечёркнутую римской цифрой II, корону и всякие завитки по краям.

— Ух ты... — прошептала Юля и перевернула монету. Потёрла платком. На другой стороне какие-то два зверя — не то лисы, не то куницы — стояли на задних лапах и держали свиток с мелкой надписью:

ДЕ
СЯТЬ
КОПѢ
ЕКЪ

А по кругу шли чёткие большие буквы:

МОНЕТА СИБИРСКАЯ

Внизу были выбиты цифры: 1772.

— Вот это старина... — Юля с уважением покачала на ладони медную тяжесть. — И громадная. Ничего себе гривенничек, да, Фаддейка?

Он довольно хмыкнул.

— А что за звери здесь? — спросила Юля. Она радовалась и находке, и тому, что можно уже не сердиться.

Фаддейка снисходительно объяснил:

— Соболя. Потому что такие деньги специально для Сибири и для Урала делались... Это не такая уж редкость, здесь их часто находят...

— Всё равно интересно...

— Ага... Я её, знаешь, как нашёл? Локтем зацепился, посветил, а она торчит между кирпичами. Если кирпичи разобрать, там, наверно, ещё есть. Может, целый клад.

— Ты что, ещё раз туда собираешься? — снова перепугалась Юля.

ощутимых успехов! И пошла на звуки гармошки через гущу берегового сада.

Фаддейка сидел на лавочке под старым клёном. А рядом с ним темноволосый пацанёнок лет восьми. Аккуратненький такой, красиво подстриженный, в рубашке с рисунком из разноцветных бабочек. Он-то и наигрывал на Фаддейкиной гармошке.

— Здравствуйте, музыканты, — сказала Юля. Темноволосый музыкантик испуганно встал и протянул гармошку Фаддейке. Тот нахмурился, сунул её в нагрудный карман на мальчишкиной рубашке с бабочками. Сказал мальчику: